

Развитие концепции секьюритизации как результат кризиса глобальной безопасности в XXI веке

Гундорина Алина Александровна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет международных отношений и политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студентка 4-го курса бакалавриата; e-mail: alina_gundorina@mail.ru.

Научный руководитель:

Баранов Николай Алексеевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра международных отношений (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор политических наук, профессор; e-mail: baranov-na@ranepa.ru.

Аннотация

В данной статье исследуется распространение концепции секьюритизации на фоне глубинных трансформаций в системе международных отношений. Цель статьи: выявить взаимосвязь между развитием концепции секьюритизации и изменениями системы глобальной безопасности в XXI в. В рамках данного исследования автор решал две основные задачи: показать субъективный характер секьюритизации, которая конструирует основные элементы безопасности; установить связь распространения секьюритизации с трансформацией системы глобальной безопасности. Объектом исследования является глобальная безопасность, а предметом — концепция секьюритизации, как реакция на проблемы глобальной безопасности в XXI в. Для исследования процесса секьюритизации использовался анализ речевых актов, раскрывающих коллективные представления международных акторов о глобальной безопасности.

На основе изучения стратегий национальной безопасности ведущих мировых держав высказывается предположение, что в силу субъективности (интерсубъективности) процесса секьюритизации, значительных возможностей манипулятивного влияния на аудиторию спектр угроз глобальной безопасности может конструироваться на основе национальных интересов сильнейших международных акторов. Все резкие смены спектра угроз глобальной безопасности можно объяснить изменениями политического и социально-экономического контекста.

Ключевые слова: глобальная безопасность, секьюритизация, угрозы, политические акторы, манипуляция, национальные интересы.

The Development of the Concept of Securitization as a Response to the Global Security Crisis in the XXI Century

Alina A. Gundorina, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of International Relations and Politics (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student; e-mail: alina_gundorina@mail.ru.

Academic Supervisor:

Nikolay A. Baranov, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of International Relations (Saint Petersburg, Russian Federation)

Doctor of Science (Political Sciences), Professor; e-mail: baranov-na@ranepa.ru.

Abstract

This article explores the dissemination of the concept of securitization in the context of profound transformations in the system of international relations. The goal of the article consists in identifying the interrelation between the development of the concept of securitization and the transformations in the system of global security in the 21st century. Within the framework of this study the author addresses two major objectives: to show the subjective nature of securitization constructing the core elements of security; to establish the connection between the spread of securitization and the transformation of the system of global security. The object of the study is global security, and the subject is the concept of securitization as a response to the problems of global security in the XXI century. To investigate the process of securitization the author employs the analysis of speech acts revealing international actors' collective perceptions of global security.

Building on the research into the national security strategies of the leading world powers, it is suggested that due to the subjectivity (intersubjectivity) of the securitization process, and the significant opportunities for the manipulative influence on the audience, the spectrum of threats to global security can be constructed based on national interests of the strongest international actors. All abrupt transformations in the spectrum of threats to global security could be accounted for by the changes in the political and socio-economic context.

Keywords: global security, securitization, threats, political actors, manipulation, national interests.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения в системе международных отношений к концу XX в. вызвали дискуссию о появлении новых угроз глобальной безопасности. В условиях кратковременного ослабления военных угроз в мире внимание ученых оказалось сосредоточено на изучении невоенных аспектов безопасности. Происходит трансформация понятия глобальной безопасности, которая еще не завершена [8]. Расцвет секьюритизации пришелся на окончание холодной войны, когда формально обеспечение глобальной безопасности должно было упроститься, однако этого не произошло. Секьюритизация глобальной безопасности побуждает правительства стран мира тратить значительные ресурсы на устранение новых вызовов и угроз.

Проведенное исследование основывается на методологии социального конструктивизма, основоположником которого применительно к международным отношениям стал американский ученый Николас Онуф, опубликовавший книгу «Мир, который мы создаем» [10]. Николас Онуф полагает, что историей движет акт конструирования, в который вовлечены люди и общество. В рамках конструктивистского подхода концепцию секьюритизации предлагается рассматривать как социальную теорию, которая актуализирует значимые аспекты международных отношений, формируемые не только материальными, но и идеационными факторами, сконструированными исторически и социально [4].

Источниками исследования выбраны стратегии национальной безопасности основных мировых или региональных держав, чья политика безопасности определяет специфику понимания глобальной безопасности: США — National Security Strategy (2022), ЕС — A Strategic Compass for Security and Defence (2022), Россия — «Стратегии национальной безопасности РФ» (2021). Текст стратегий исследовался методом количественного контент-анализа. В общей сложности в исследовании было использовано 20 лексических единиц, которые показывают роль и место новых угроз в безопасности мировых держав. В общей сложности в текстах разных источников было обнаружено от 270 до 450 отобранных лексических единиц. Предполагается, что увеличение частоты встречаемости

знаковых лексических единиц может указывать на возрастание роли определенных угроз и вызовов в стратегиях безопасности мировых держав, что автоматически проецируется на глобальную безопасность.

КОНЦЕПЦИЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

В мире сформировалось несколько научных центров, где развивалась концепция секьюритизации (Копенгагенская школа международных отношений и Парижская школа исследований безопасности [7, с. 494–531]). Признавая различия между школами, следует обратить внимание на почти синхронный интерес большой группы исследователей к новым способам обоснования безопасности и идентификации угроз. Интерес к концепции секьюритизации был обусловлен масштабными сдвигами в глобальной системе международных отношений и безопасности, которые фиксировались в 1980–1990-х гг. и не вызывают сомнений.

В понимании теоретиков изучаемой концепции, секьюритизация — это процесс трансформации обычных (нормативных) политических вопросов в проблемы «безопасности», позволяющие государственным субъектам использовать экстраординарные инструменты [8, с. 25]. Следует обратить внимание на то, что секьюритизация переводит нормативные вопросы в проблемные.

Барри Бузан и Оле Вэйвер утверждают, что безопасность выводит политику за рамки установленных правил и рассматривает проблему либо как особый вид политики, либо выше нее. По мнению названных авторов, секьюритизацию можно считать более экстремальной версией политизации безопасности, и они предполагают, что вопросы безопасности могут быть классифицированы как неполитизированные, политизированные или секьюритизированные [8, с. 37].

В рамках секьюритизации любой объект может представляться в качестве проблемы безопасности и рассматривается как угроза. Для этого требуется идентифицировать референтный объект, находящийся под угрозой (явной или мнимой) и за счет усилий агента секьюритизации убедить функциональный субъект и аудиторию в появлении новых угроз безопасности, что позволит принимать чрезвычайные меры и получать доступ к дополнительным ресурсам.

Для понимания секьюритизации важен контекст, в котором она происходит. В формулировке Б. Бузана контекст представляется в двух формах: связан с секторами (политическим, военным, социальным и т. д.) и относится к конкретным «условиям, исторически связанным с угрозой» [8, с. 31]. То есть секьюритизация вытекает из конкретных социально-экономических и культурно-исторических условий. В этой связи имеет смысл рассматривать развитие концепции секьюритизации в контексте происходивших трансформаций в системе глобальной безопасности последних нескольких десятилетий.

Секьюритизация является объектом социальной конструкции. Проблема обозначается как вопрос безопасности и воспринимается аудиторией как угроза на основании заявления (речевого акта), сделанного агентами по секьюритизации, которые играют фундаментальную роль во всем процессе. В сфере обеспечения безопасности складывались ситуации, когда если что-то обозначалось как проблема глобальной безопасности, то оно получало абсолютный приоритет в государственной политике.

Секьюритизация концептуализируется как событие речевого акта (то есть субъективное) и результат согласованного (то есть intersubjectивного) действия субъектами секьюритизации, убеждающих соответствующую аудиторию [7, с. 494–531].

Проблема становится секьюритизированной, когда аудитория коллективно соглашается с характером угрозы и поддерживает принятие чрезвычайных мер. Если аудитория

отвергает речевой акт, это представляет собой только секьюритизирующий ход, а секьюритизации не происходит. В этом отношении концентрация внимания на аудитории и на процессе ее убеждения требует значительно большего, чем просто информировать о безопасности. Секьюритизация предполагает активную работу с гражданами, по их убеждению, формированию нужных позиций, что неизбежно влечет манипуляцию массовым сознанием [9]. То есть с этим связан успех мер по секьюритизации, следовательно, успешная секьюритизация зависит не от принятия экстраординарных мер, а от признания аудиторией угрозы безопасности, тогда она сама потребует принятия этих мер.

О. С. Гайдаев полагает, что теория секьюритизации определяет безопасность как форму дискурсивной практики. То есть границы безопасности устанавливаются не объективными факторами, а в процессе дискуссии и убеждения целевых аудиторий [2, с. 20–32; 1, с. 7–27]. «В процессе секьюритизации определяется, какие угрозы носят характер экзистенциальной опасности, требуют принятия неотложных мер и проведения политики особого рода. При этом, в отличие от традиционных подходов, оценка реальности той или иной угрозы зависит не столько от объективных факторов, сколько от политического выбора, результата действий политических акторов» [2, с. 21].

Таким образом, секьюритизация тесно связана с возможностями влияния политического актора, который лоббирует свои идеи. Показательно, что период расцвета концепции секьюритизации пришелся на распространение американской модели демократии и системы либеральных ценностей. Создались условия, когда небольшая группа стран, прежде всего США, имели мощное влияние на систему глобальной безопасности, фактически назначая новые угрозы и распределяя их приоритетность.

НОВЫЕ УГРОЗЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В широком понимании глобальная безопасность представляет собой особую систему международных отношений, где субъекты придерживаются общепризнанных принципов и норм международного права, исключающих решение конфликтов за счет силы или создания угроз [3, с. 230]. Встраивание подобной системы к концу XX в. стало возможным благодаря формированию однополярного мира с единым гегемоном, который определял и отстаивал удобные для себя нормы глобальной безопасности.

Разрушение баланса сил международные акторы попытались компенсировать развитием разных форм экономического взаимодействия между странами и искусственным насаждением либерализма и общих ценностей. Защита этих элементов требовала пересмотра традиционного подхода к безопасности. Начался поиск новых угроз международной безопасности, при этом полностью не были устранены традиционные. В результате глобальная безопасность как понятие и как явление в начале XXI в. приобрела новые формы. Сформировались новые программы безопасности (например, формат «Россия — НАТО»), новые проявления безопасности (например, концепция «принуждения к миру») и новые правила игры для политики безопасности государств (следование политике США под угрозой силового давления).

Интерес мирового гегемона в системе глобальной безопасности с военной сферы сместился в экономическую, социальную и политическую. В стратегии национальной безопасности Дж. Буша — младшего декларируется, что «великая борьба XX в. между свободой и тоталитаризмом закончилась решающей победой сил свободы и единой устойчивой моделью национального успеха»¹. В стратегии большое внимание уделяется

¹ The National Security Strategy of the United States of America. The White House, September 17, 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (дата обращения: 27.04.2023).

угрозам политической и экономической безопасности. Белый дом актуализирует группу новых угроз и заявляет, что будет «защищать мир, сражаясь с террористами и тиранами». В систему международной политики вводится новая угроза безопасности — глобальный терроризм, борьба с которым объявляется войной. В документе заявлено, что Соединенные Штаты Америки ведут войну против террористов глобального масштаба².

Терроризм будет называться в числе приоритетных угроз глобальной безопасности США и других стран вплоть до 2022 г., когда как угроза он будет отмечен в новой стратегии национальной безопасности США³.

Изменения концепции секьюритизации стали результатом очередного изменения системы международных отношений. Показательно, что в 2021 г. Дж. Байден во временном руководстве по национальной безопасности США написал: «Наш мир находится в точке изменений. Глобальная динамика изменилась. Новые кризисы требуют нашего внимания»⁴. Среди угроз глобальной безопасности в документе называются: пандемия, изменения климата, информационные угрозы (киберпреступления), международные кризисы, системный расизм, трансграничная агрессия и др. Названные угрозы подтверждены и расширены в новой стратегии национальной безопасности 2022 г., где появляется описание угроз продовольственной, технологической, компьютерной безопасности. Обозначен перечень угроз в сфере торговли и экономики: «Процветание Америки также зависит от справедливой и открытой торговли и международной экономической системы. Соединенные Штаты уже давно извлекают выгоду из способности международной торговли способствовать глобальному экономическому росту...»⁵.

В современных стратегиях национальной безопасности широко используются слова и выражения, относящиеся к экономике. В стратегии США в 126 случаях фиксируется использование выражений, образованных от слова «экономика». В стратегии России выявлено 107 случаев. Американские идеологии заявляют, что они будут работать над созданием международной экономической системы, соответствующей современным реалиям с сохранением экономического доминирования США. Слова образованы от понятия «инвестиции» часто встречаются в стратегии США (67 раз) и ЕС (29 раз). Укрепление мощи США через инвестиции предусмотрено и не в военных сферах. В рамках реализации «зеленой политики» США декларируют, что инвестируют более 2 млрд долл., чтобы полностью использовать потенциал биотехнологий и биомедицинского производства, создать рабочие места, укрепить цепочки поставок. «Инновации» получили распространение в стратегиях национальной безопасности, как в контексте наращивания военно-технического превосходства, так и в поддержании экономического лидерства. В стратегии США слова, образованные от понятия «инновации», встречаются 32 раза, в стратегии ЕС — 19 раз. В стратегических документах РФ и КНР — 14 и 10 раз соответственно.

Происходит смешение экономических интересов государств и безопасности. Важными атрибутами безопасности признаются: финансовая система, инвестиции, инновации, технологии, промышленный рост. Экономические угрозы и риски стали неотъемлемой частью системы национальной безопасности крупных международных держав. Экономический потенциал называется частью военного потенциала стран, военные инструменты используются для обеспечения экономической безопасности. В стратегиях глобальных

² Там же.

³ National Security Strategy 2022. The White House, October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

⁵ National Security Strategy 2022. The White House, October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

держав военные и экономические (невоенные) аспекты безопасности неразделимы. Очевидные экономические проблемы и интересы государств подаются через призму обеспечения национальной и даже военной безопасности.

К новым угрозам в стратегии отнесена милитаризация космоса. Заявлено, что космос — сфера, «которую необходимо защищать». Можно предполагать появление нового направления международной безопасности — космическая безопасность. В стратегии национальной безопасности США 2022 г. предлагается интеграция безопасности в разных областях, военной (наземной, воздушной, морской, кибернетической и космической) и невоенной (экономической, технологической и информационной). Большее распространение в национальных стратегиях мировых держав получил термин кибербезопасность (и лексические единицы с ней связанные: кибератака, киберугроза и пр.). В российском стратегическом документе лексическая единица выявлена 21 раз, в документе ЕС 46 раз, США — 10 раз.

Другим показательным моментом является появление в стратегии безопасности США среди глобальных угроз «международного соперничества», которое называется главным вызовом демократического мира. В стратегии 2022 г. используются понятия геополитической конкуренции, стратегической конкуренции. В группу подобных угроз США включили: «антагонистические авторитарные державы», дезинформацию антидемократических сил, продвижение «альтернативной модели авторитарного управления» и др.

Формирование конкретных угроз безопасности в стратегии США происходит с явным учетом национальных интересов на субъективной основе. Угрозы для национальной безопасности США смещаются в экономическую и информационно-идеологическую сферы. Для сохранения своего лидирующего положения в системе международных отношений американская экономика должна стабильно развиваться. Конкретные угрозы (терроризм, кибербезопасность, конкуренция «ревизионистских держав») для безопасности США остаются важными, но представляются американскими политиками как второстепенные, проявляющиеся на фоне проблем американской модели экономики и политики. Безопасность Вашингтон пытается представить как интеграцию двух систем: военной и невоенной: «...Мы решим двойные задачи нашего времени: превзойдем наших конкурентов в формировании международного порядка, одновременно решая общие проблемы, включая изменение климата, готовность к пандемиям и продовольственную безопасность, которые определяют следующий этап человеческой истории»⁶.

Современная европейская политика безопасности определяет глобальные угрозы на основе своих интересов. Среди ключевых угроз называются следующие: миграция, Brexit (выход Великобритании из ЕС оформлен в 2020 г.), дезинформация и кибербезопасность, неравенство, терроризм. Из представленного списка угроз безопасности в документе ЕС видно, что все они относятся к политической и социальной сферам. Все из описанных в документе угроз стали актуальными для ЕС в последние годы. Степень их опасности разная для стран Союза, но процесс их секьюритизации является очевидным. В 2022 г. европейская оборонная стратегия «Стратегический компас» определила наличие угроз в пяти сферах: наземной, морской, воздушной, космической и кибернетической. Несмотря на то, что стратегия военная, в ней названы такие угрозы безопасности, как политическая нестабильность у границ ЕС, терроризм и экстремизм, распространение оружия массового поражения, гибридные, кибернетические и информационные угрозы, изменение климата и природные бедствия, кризис в здравоохранении⁷.

⁶ National Security Strategy 2022. The White House, October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

⁷ A Strategic Compass for Security and Defence. The Diplomatic Service of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en (дата обращения: 27.04.2023).

Не вызывает сомнений расширение сфер безопасности, проявившееся в последнее десятилетие. Представители Копенгагенской школы ввели в научный оборот новые категории концепции: политическую, экономическую, социальную и экологическую безопасность. Расширение концепции безопасности за пределы военного сектора и за пределы государства как единственного действующего лица позволило идентифицировать новые референтные объекты, такие как национальный суверенитет (политическая безопасность), национальные экономики (экономическая безопасность), коллективные идентичности (социальная безопасность) и среды обитания (экологическая безопасность) [8, с. 32].

В каждом секторе конкретная угроза артикулируется как угроза референтному объекту. Например, в социальном секторе референтным объектом в последние десятилетия стала национальная идентичность, система ценностей, в политическом — демократия и права человека, а в экологическом секторе — изменения климата.

В стратегии национальной безопасности России в пункте 26 среди приоритетов, кроме военной безопасности, выделены: государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность; духовно-нравственная безопасность⁸. Уже в общих положениях Стратегии обозначен широкий взгляд российского государства на безопасность, объявлен курс «на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала...»⁹. Среди девяти задач защиты национальных интересов России только один прямо связан с военными угрозами, остальные являются ответом на угрозы в демографической, политической, информационной, экономической, культурной, экологической сферах.

Следует указать, что большинство ученых и политиков приняли подход с выделением новых угроз безопасности и расширили его на идеологическую, информационную, демографическую, культурную и прочие сферы. Например, в монографии «Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации» авторы выделяют вызовы и угрозы безопасности России в 15 сферах: международная, политическая, экономическая, военная, оборонно-промышленная, информационная, социальная, транспортная, энергетическая, экологическая, культурная, духовно-нравственная, образовательная, охраны здоровья, демографическая [6, с. 3].

В статьях российских авторов после начала СВО в обеспечении глобальной безопасности военно-политический потенциал дополняется другими обязательными элементами: военно-техническое превосходство, экономический и финансовый потенциал, военно-политические факторы, технологическая обеспеченность, политическая стабильность, свободная торговля. Таким образом, в условиях возрастания военной напряженности концепция безопасности быстро проецируется на невоенные сферы [5, с. 5–15].

ВЫВОДЫ

Из теории секьюритизации известно, что субъект должен убедить соответствующую аудиторию (например, общество политиков или военных офицеров) в том, что конкретный референтный объект действительно находится в существенной опасности. Именно тогда аудитория признает, что для устранения угрозы могут быть приняты чрезвычай-

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 27.04.2023).

⁹ Там же.

ные политические меры. На этом этапе возможны манипуляции и изменение мнений нужным субъекту образом. То есть успех мер по секьюритизации по-прежнему в значительной степени зависит от признания аудиторией угрозы безопасности. В этих условиях информационная и идеологическая составляющие безопасности становятся ключевыми для защиты от новых угроз. В условиях, когда международные субъекты имеют разные возможности влияния на международную аудиторию, наиболее сильные акторы получают преимущество и могут определять новые угрозы глобальной безопасности, выгодные им. В этом заключается слабость теории секьюритизации. Успешная секьюритизация помещает «безопасность» в исключительную сферу, наделяя участников секьюритизации (номинально государства) властью решать, когда следует приостановить действие демократических рамок и манипулировать населением.

В стратегических документах многих стран большое внимание уделено гибридным угрозам безопасности, роль которых постоянно возрастает и которые с каждым годом становятся все сложнее и содержательнее. Происходит гибридизация угроз, когда военные угрозы описываются в терминах экономики, социологии и информационных систем, а невоенные угрозы получают значение военных и воспринимаются соответствующим образом.

Подводя итог, можно сказать, что теория секьюритизации получила импульс развития на фоне начавшегося процесса трансформации системы международных отношений. Развитие концепции секьюритизации стало ответом на ослабление военных угроз безопасности к концу XX в. и переносу внимания на новые типы угроз, к которым предлагалось применять прежний (военный) подход с принятием чрезвычайных мер и полномочий.

Секьюритизация в международных отношениях приводит к тому, что глобальные акторы определяют угрозы национальной безопасности на основе субъективных, а не объективных оценок предполагаемой опасности.

Явная слабость однополярной модели проявилась уже в начале XXI в. и была связана с нехваткой факторов, ограничивающих интересы гегемона, которые становятся очень обширными, что приводит к дефициту ресурсов для поддержания глобальной безопасности. Результатом стало смещение внимания в сферы безопасности общества и экономики. Начало процесса перехода к многополярной модели мироустройства (несколько систем региональных безопасностей, где представлен один сильный актор в своем регионе) принципиальным образом изменило контекст и саму секьюритизацию.

Теория секьюритизации показывает, что безопасность не является естественной данностью, а определяется и успешно конструируется политиками и лицами, принимающими управленческие решения с учетом конкретного контекста и своих национальных интересов. При таком подходе возрастает роль инструментов манипуляции аудиторией, интересы одних агентов начинают преобладать над другими, нарушается принцип равенства и баланса сил. В результате проблемы глобальной безопасности не решаются, а усложняются. То есть концепция секьюритизации не способствует достижению устойчивой безопасности.

Литература

1. *Гайдаев О. С.* «Осторожно, безопасность!» Теория (ин) секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности. Вестник МГИМО-Университета, 2022. № 15 (1). С. 7–37.
2. *Гайдаев О. С.* Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.

3. *Канунникова Н. Г.* Современные вызовы и угрозы международной безопасности. Социально-политические науки, 2018. № 6. С. 230–232.
4. *Лошкарев И. Д.* Международно-политическая мысль: от истоков к современности / под ред. Т. А. Алексеевой. М.: Аспект Пресс, 2021. 288 с.
5. *Подберезкин А. И.* Государственная стратегия безопасности России после февраля 2022 года. Обозреватель, 2022. № 5–6. С. 5–15.
6. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общей ред. А. С. Коржевского. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 562 с.
7. *Balzacq T., Leonard S., Ruzicka J.* Securitization revisited: theory and cases. International Relations, 2016. № 30 (4). P. 494–531.
8. *Buzan B., De Wilde J., Waever O.* Security: A New Framework for Analysis. L.: Lynne-Rienner Publishers, 1998. 239 p.
9. *Buzan B., Hansen L.* The Evolution of International Security Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 p.
10. *Onuf N. G.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina, 1989. 352 p.